

Фольклористика

УДК 398
DOI 10.17223/18137083/71/1

Н. А. Урсегова

Новосибирский государственный педагогический университет

О некоторых закономерностях развития русской фольклористической науки в Сибири

На основе интерпретации статистических данных библиометрического анализа с применением инструментария трансдисциплинарной циклично-волновой методологии изучаются региональные процессы развития русской сибирской фольклористики в целях формирования новых методологических подходов к периодизации ее истории.

Предложенный подход позволяет определить и оценить степень влияния социально-политических событий на развитие науки в регионе, выявить сугубо имманентные закономерности развития сибирской фольклористической науки при помощи математико-статистических методов анализа данных библиографической активности сибирских ученых. Аналитическую базу исследования составили 2 075 библиографических описаний за хронологический отрезок времени с 1800 по 1995 г. (196 лет).

В истории сибирской фольклористической науки выделяются 4 больших периода: два дореволюционных (1826–1878 гг. – 53 года и 1879–1918 гг. – 40 лет) и два советских (1919–1950 гг. – 32 года и 1951–1990 – 40 лет). Порогами периодизации послужили резкие, переломные моменты в развитии науки, которые выделены автором на основе изучения циклограмм публикационной активности.

Ключевые слова: история фольклористики, русский фольклор, библиометрия, циклограмма, циклично-волновая методология, периодизация.

В 1928 г. в рецензии, посвященной этнографическому сборнику «Сибирская живая старина», профессор С. Ольденбург сетует на проблемы, связанные с невозможностью для советских ученых оперативно печатать собираемые материалы и исследования: «Это, увы, общая беда нашей научной работы, которую совершенно необходимо изжить, чтобы поставить нашего научного работника в равные условия с его западными товарищами, имеющими самые широкие возможности печатания своих ученых трудов» [1928, с. 189].

На разных этапах истории русской фольклористики сибирские ученые, не смотря на возникающие трудности (финансовые и административные), находили

Урсегова Наталья Александровна – кандидат искусствоведения, доцент Института культуры и молодежной политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет» (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; urseg@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© Н. А. Урсегова, 2020

возможность публиковаться. Однако динамика публикационной активности ученых не была величиной постоянной, время от времени меняла траекторию / направленность развития, обнаруживая библиографически насыщенные зоны и зоны «библиографического молчания» (термин И. Г. Моргенштерна) [Бернгардт, 2014, с. 69], которые самым непосредственным образом характеризуют определенный отрезок времени с точки зрения присутствия или, наоборот, отсутствия тех или иных научных проблем, имен, школ, публикаций, издающих организаций и т. п.

В настоящее время сбором и анализом научной статистики занимается самостоятельная исследовательская дисциплина – наукометрия (scientometrics), основной целью которой является сбор и анализ информации о научных публикациях. Расчет публикационной активности методами библиометрического анализа становится в настоящее время одним из важных индикаторов оценки развития науки.

Применяя методы библиометрического анализа, можно проводить не только количественный (статистический), но и качественный анализ публикаций – определять тренды развития науки, оценивать результативность деятельности отдельных ученых и научных организаций, давать общую оценку научного потенциала региональной науки на разных этапах ее исторического развития и, наконец, использовать данные библиометрического анализа для уточнения периодизации исторического пути развития какой-либо науки и иных аспектов ее функционирования.

На первый взгляд механический учет публикаций – одно из некорректных применений статистических данных в наукометрии. Однако на самом деле это очень мощный и действенный инструмент, позволяющий увидеть закономерности развития научного знания и описать динамику развития научной сферы за конкретный исторический отрезок времени.

Основная цель настоящего исследования – определение динамики публикаций сибирских авторов, апробация новых подходов к периодизации истории русской фольклористики Сибири для выявления закономерностей развития сибирской фольклористической науки.

Информационно-аналитическую базу исследования составили материалы томов сводного библиографического указателя «Русский фольклор» за 1800–1855, 1856–1880, 1881–1900, 1901–1916, 1917–1944, 1945–1959, 1960–1965, 1966–1975, 1976–1980, 1981–1985 и 1991–1995 гг., а также библиографические описания публикаций, извлеченные из периодической серии государственных библиографических указателей Российской Федерации – «Книжная летопись», «Летопись авторефератов диссертаций», «Летопись газетных статей», «Летопись журнальных статей», «Летопись периодических и продолжающихся изданий», «Летопись рецензий», «Нотная летопись» за 1986–1990 гг.¹ Изучаемый в работе отрезок истории русской фольклористики Сибири хронологически охватывает период с 1800 по 1995 г., что составляет 196 лет.

Из библиографических указателей были отобраны все сибирские региональные источники (тексты и материалы, исследования, статьи, заметки, учебная и учебно-методическая литература, отзывы и рецензии), включая материалы по Западной и Восточной Сибири, Дальнему Востоку. Аналитическую базу исследования составили 2 075 библиографических описаний.

Первый этап исследования. Весь аналитический корпус источников был систематизирован в хронологическом порядке по году публикации. На основе математико-статистического метода была составлена сводная таблица, отражающая

¹ Российская книжная палата. Государственные библиографические указатели. URL: <http://www.bookchamber.ru/gbu.html> (дата обращения 02.03.2020).

статистические данные о количестве источников, начиная с 1826 г., когда был опубликован первый сибирский материал.

Второй этап исследования – составление общей циклограммы истории развития русской фольклористики Сибири с 1826 по 1995 г., которая демонстрирует динамику публикационной активности за без малого 170-летний период времени.

На основе полученных статистических данных (имеющейся сводной таблицы) были построены графики. Графики являются одной из самых эффективных форм представления статистических данных с точки зрения их восприятия. С помощью графиков достигается наглядность сравнительного материала – структуры, динамики, взаимосвязи явлений.

Для построения графиков использована система прямоугольных координат: ось абсцисс – годы; ось ординат – количество публикаций за периоды. Динамика процесса лучше всего отображается в виде линейного графика – линии, характеризующей непрерывность процесса. По виду этой линии можно судить о характере развития изучаемого явления в пространстве или во времени. Такие графики именуются в работе «циклограммами».

Структуру отдельных показателей публикационной активности было решено изображать в виде круговой или секторной диаграммы.

Третий этап исследования – анализ общей циклограммы с целью обнаружения закономерностей и логики развития науки, дальнейшего разграничения всей истории на периоды, т. е. выполнение периодизации.

Изучение общей циклограммы (ее траектории, временной длительности отдельных периодов, амплитуды публикационной активности и т. п.) предопределило необходимость применения инструментария трансдисциплинарной циклично-волновой методологии, широко применяемой современными учеными в экономике, социологии, истории, культурологии, биологии, психологии, физиологии и других науках. Учеными замечено, что *развитие любой сферы жизни общества характеризуется неравномерной динамикой, обладает своей специфической ритмичкой, взаимодействует с циклами в смежных сферах*. Предмет нашего исследования – периоды / циклы в истории развития русской фольклористики сибирского региона. Необходимо показать возможности более активного использования циклично-волнового подхода для исследования региональных процессов развития русской сибирской фольклористики во времени и пространстве. Автор не ставит перед собой задачу дать исчерпывающие ответы на многие возникающие при этом вопросы, но пытается выдвинуть рабочую гипотезу, не претендуя на завершенность и полноту.

Анализ общей циклограммы демонстрирует определенные закономерности в развитии истории сибирской фольклористики.

I. Историю русской сибирской фольклористики 1800–1995 гг. можно разделить на 6 больших исторических периодов: 1) 1800–1825 гг.; 2) 1826–1878 гг.; 3) 1879–1918 гг.; 4) 1919–1950 гг.; 5) 1951–1990 гг.; 6) 1991 г. – по настоящее время.

В дальнейшем при анализе не будут учитываться первый и шестой периоды истории русской сибирской фольклористики, так как в 1800–1825 гг. попросту отсутствовали сибирские публикации, а период с 1991 г. по настоящее время является открытым, его развитие продолжается, и, следовательно, о динамике развития этого периода можно будет судить лишь спустя некоторое время.

Большой период по сути является *циклом* и обозначает завершенный (законченный) период изменений в науке, понимается как временная составляющая процесса развития.

II. Жизненный цикл больших исторических периодов имеет *волновую траекторию внутреннего динамического процесса*, состоящую из трех основных ста-

дий: зарождения / становления, расцвета / кульминации, спада / кризиса / угасания.

Используемое нами понятие «жизненный цикл» (ЖЦ) применяют в современной науке к широкому классу различных объектов [Плотинский, 1998]. Известны исследования жизненных циклов этносов, цивилизаций, общественных движений, организаций, научных направлений, технологий, семьи, индивида и т. п. Сущность понятия «жизненный цикл» заключается в том, что практически любой из названных выше объектов проходит последовательно этапы / фазы, отражающие его эволюцию, т. е. характеризуется стадийностью процесса развития, позволяет обнаружить схожие этапы в цикличной динамике развития какого-либо процесса / явления / объекта.

Дискуссионным остается вопрос: как следует датировать периоды – по верхним или нижним поворотным временным точкам? Большинство исследователей склоняется к тому, что началом каждого цикла можно считать низшую точку амплитуды колебания каких-либо процессов на графике, т. е. стадии зарождения и кризиса. Следовательно, в нашем случае начальная и конечная точки исторического процесса внутри больших исторических циклов – это годы / зоны «библиографического молчания», а наивысшая точка волны большого исторического периода – это максимально библиографически насыщенные годы.

III. Большие исторические периоды, в свою очередь, *состоят их двух / трех малых периодов*, ЖЦ которых имеет также волновую траекторию развития.

По соотношению наивысших точек волн можно говорить о *двух типах больших исторических периодов*: с восходящим трендом или нисходящим трендом в развитии сибирской науки.

Внутренняя динамика больших исторических периодов 1826–1878 и 1879–1918 гг. имеет восходящий тренд развития (рис. 1, 2), а 1919–1950 и 1951–1990 гг. – нисходящий тренд развития (рис. 3, 4).

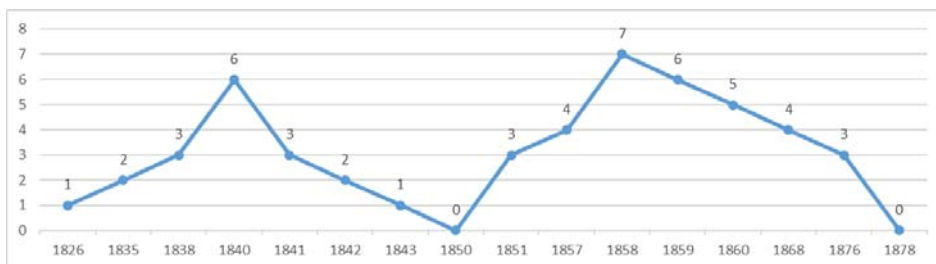

Рис. 1. Циклограмма-модель публикационной активности за 1826–1878 гг.
Fig. 1. Cyclogram – a model of publication activity for 1826–1878

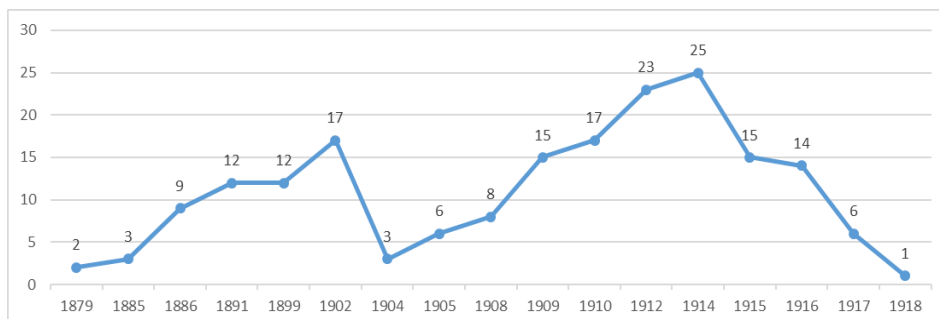

Рис. 2. Циклограмма-модель публикационной активности за 1879–1918 гг.
Fig. 2. Cyclogram – a model of publication activity for 1879–1918

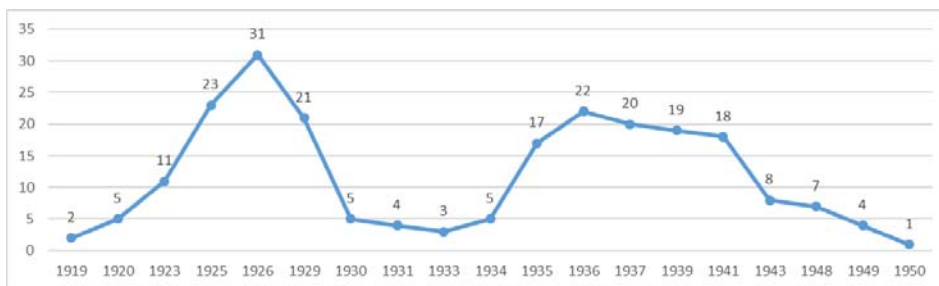

Рис. 3. Циклограмма-модель публикационной активности за 1919–1950 гг.
Fig. 3. Cyclogram – a model of publication activity for 1919–1950

Рис. 4. Циклограмма-модель публикационной активности за 1951–1990 гг.
Fig. 4. Cyclogram – a model of publication activity for 1951–1990

Особенно наглядно тренд развития в рамках большого периода можно наблюдать в обобщенных *циклограммах-моделях*, демонстрирующих точки наименьших и наибольших показателей публикационной активности за период.

Объединение больших периодов в единый *мегапериод* на основе сравнительного анализ пиковых значений публикационной активности в целом демонстрирует восходящую траекторию развития сибирской фольклористики. Нарушение траектории восходящего (поступательного) развития, как можем видеть на циклограмме, происходит дважды – в 1930-е гг. и во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. (рис. 5).

Восходящая траектория развития сибирской фольклористики подтверждается также с помощью расчета индекса публикационной активности (ИПА) – математического вычисления среднего арифметического количества публикаций в год за конкретный исторический период. Следует заметить, что последний по времени большой период, начинающийся с 1991 г., являясь открытым (не завершенным), также демонстрирует выявленные закономерности динамики развития сибирской науки (см. таблицу).

На уровне *малых исторических периодов* обнаружен *механизм опосредованной детерминации происходящих социально-политических событий и их влияние на динамику развития сибирской науки*. Так, например, изменения государственных установок на научную жизнь вызывают кризисные состояния в фольклористике, но в итоге создается базис для выработки новых методологических подходов, открытия новых жанров и достижения высоких количественных индикаторов фольклористической работы.

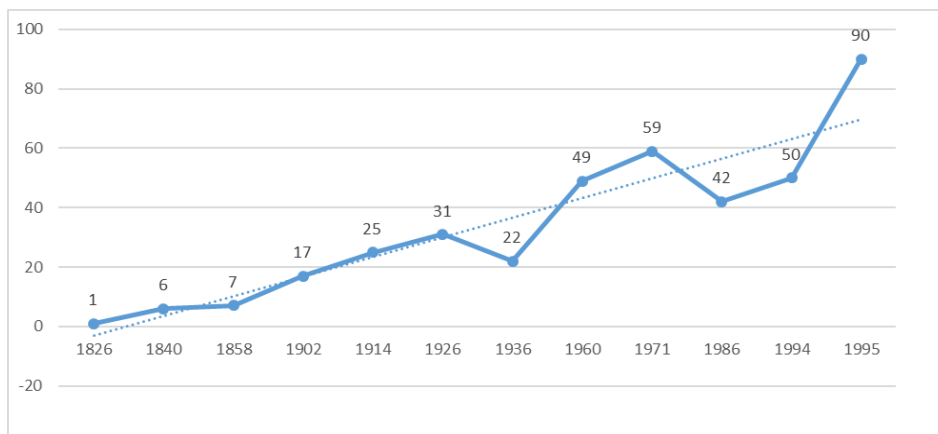

Рис. 5. Циклограмма-модель пиковых значений публикационной активности – траектория движения развития истории русской фольклористики Сибири за 1826–1995 гг.

Fig. 5. Cyclogram – a model of publication activity peak values – a trajectory of the Russian folklore history development in Siberia for 1826–1995

Периодизация русской сибирской фольклористики
на основе исчисления индекса публикационной активности
The periodization of the Russian Siberian folklore studies
by evaluating the publication activity index

Период (годы)	Количество публикаций (ед.)	Количество лет за период	Индекс публикационной активности (среднее количество публикаций в год)
1826–1878	111	53	2,09
1879–1918	351	40	8,77
1919–1950	335	32	10,46
1951–1990	1278	40	31,95
1991–1995	245	5	49,0

В начале цикла (первая фаза) происходит адаптация к новации / изменению и постепенное нарастание потенциала нововведения, затем его бурная реализация (вторая фаза), за которой следует замедление, спад (третья фаза). При этом окончание первой волны (период ее спада – третья фаза) совпадает с первой фазой зарождающейся новой (второй) волны, что обеспечивает непрерывность развития исторического процесса науки внутри больших циклов.

Следовательно, временное несовпадение событийных линий (например, социально-политических и собственно фольклористических, научных) и наложение циклов разной продолжительности создают сложную хронологическую и пространственную картину развития русской сибирской фольклористики.

Так, например, революционные события 1917 г. привели к резкому падению публикационной активности: достигнутый в 1914 г. максимальный за всю предшествующую историю развития русской фольклористики Сибири показатель в 25 публикаций за календарный год был достигнут и превышен фактически спустя более чем десятилетие (в 1926 г. выявлено 31 библиографическое описание).

В пореволюционные годы (начало малого цикла, его первая фаза, когда происходила адаптация к новации / изменению и постепенное нарастание научного потенциала в 1919–1922 гг.) в регионе ведется активная работа по созданию новых образовательных, общественных и научных организаций, идет процесс формирования и концентрации научных кадров, прибывающих в Сибирь из европейской части страны, интенсифицируется процесс накопления научных материалов в собирательской экспедиционной работе [Кокоулин, 2013; Шиловский, 2004].

Завершение первой фазы цикла хронологически совпадает с завершением Гражданской войны и образованием СССР в 1922 г.

Вторая фаза цикла (1923–1929 гг.) демонстрирует постепенное нарастание потенциала нововведения и его бурную реализацию, фактически совпадает со временем издания журнала «Сибирская живая старина» в 1923–1929 гг.

Важнейшие события этого периода приходятся именно на 1923 г.: 1) в Иркутском университете была основана кафедра русской этнографии, где преподавали мэтры сибирской фольклористики М. К. Азадовский и Г. С. Виноградов, которым удалось привлечь способную студенческую молодежь и заинтересовать ее этнографией и фольклором русского населения Сибири; 2) в 1923 г. выходит в свет первый выпуск периодического издания «Сибирская живая старина», в котором публиковались этнографические материалы на стыке различных дисциплин, в том числе гуманитарных и естественнонаучных [Копержинский, 1940, с. 172].

Таким образом, описанные выше фольклористические события сделали в 1920-е гг. Иркутск центром изучения фольклора и этнографии в сибирском регионе. Говоря о собирании и изучении сибирского фольклора в пореволюционные годы, К. А. Копержинский пишет, что «Иркутск был, можно сказать, центром изучения, а главным образом, собирания фольклора не только Восточной Сибири, но и всей Сибири в целом» [Там же, с. 173].

Парадоксально, но, несмотря на то что наука испытала на себе усиливавшееся влияние формирующейся советской (марксистской) идеологии, был продемонстрирован небывалый рост этнографических исследований: в это время были развернуты значительные экспедиционные работы; возникли новые образовательные и научные учреждения этнографического профиля, активно велась подготовка научных и педагогических кадров; этнографы были вовлечены в решение национальных проблем; публикационная активность фольклористов вышла на новый количественный и качественный уровень (новая актуальная задача – изучение современного народного творчества; появляются ранее не встречавшиеся объекты научного интереса – фольклор каторги и ссылки, приисковый, тюремный, партизанский фольклор и др.). Всего за 1923–1929 гг. было опубликовано 132 источника (индекс публикационной активности – 18,1).

Третья фаза малого периода – замедление, спад. Хронологически она охватывает период с 1930 по 1934 г. и совпадает со временем «великого перелома» (однако, как известно, он начался ранее, на рубеже 20–30-х гг.), когда в политике, социальной и культурной жизни СССР усилились тенденции к централизации, краеведческие начинания и этнографические исследования стали рассматриваться как ненужные, а затем и противоречащие генеральной линии большевистской идеологии. В этих условиях Иркутский университет был закрыт, и перестали существовать кафедры этнографического направления, подобно тому, как это случилось с этнологическим факультетом МГУ, «с его плюралистическими теоретическими установками и преподавательским составом, включавшим “буржуазных” профессоров» [Марков, Соловей, 1990, с. 79]. В 1930 г. Иркутск покидают М. К. Азадовский и Г. С. Виноградов.

Следствием этих процессов является резкое количественное снижение публикаций – «библиографическое молчание»: с 1930 по 1934 г. находим только

21 библиографическое описание. По сравнению с предыдущим периодом наблюдаемое количественное снижение составляет порядка 6-ти раз.

В рамках третьей фазы (спада) зарождается первая фаза следующего малого цикла, который, в свою очередь, завершился в 1950 г. Преемственность сибирской научной школы в этот период обеспечивает прежде всего А. В. Гуревич, ученик М. К. Азадовского, а также А. Мисюров, Л. Элиасов, М. В. Красноженова и др., внесшие существенный вклад в развитие сибирской фольклористики.

После спада 1930–1934 гг. фольклористическая работа в сибирском регионе начинает активизироваться, достигая новых пиковых значений в период с 1935 по 1941 г., – общее количество библиографических описаний за 7 лет составляет 130 наименований (индекс публикационной активности – 18,5).

С 1942 по 1950 г. наблюдаем третью фазу малого периода, которая характеризуется почти полным прекращением публикационной активности (индекс – 4,88). Последствия Великой Отечественной войны (человеческие жертвы, разруха, голод), а также идеологические кампании 1945–1953 гг. (борьба с низкопоклонством перед Западом, с космополитизмом и др.) оказали мощнейшее негативное влияние на развитие сибирской науки.

Фольклористическая деятельность в регионе приостановилась, но окончательно не замерла. Так, весной 1942 г. М. К. Азадовский был эвакуирован в Иркутск, где он возобновил чтение лекций и исследовательскую работу по фольклору. В марте 1943 г. он организовал в Иркутске пятидневное совещание фольклористов и сказителей Сибири, посвященное вопросам фольклора Отечественной войны, имевшее большое теоретическое и общественное значение [Азадовский, 1943]. По мнению В. М. Жирмунского, «это была первая научная конференция, наметившая программу собирательской работы по свежим следам героических событий военных лет» [2013, с. 33]. Также активно продолжается собирание и публикация популярных в советское время жанров – сказок, частушек, в том числе частушек сибирских воинов.

Таким образом, описанные выше тенденции развития русской фольклористики Сибири в первой половине XX в. наглядно демонстрирует весьма опосредованную взаимосвязь социально-политических, собственно фольклористических и иных смысловых событий, наложение волн разной продолжительности друг на друга, что создает сложную хронологическую и пространственную картину развития русско-сибирской фольклористики.

Количественный и качественный анализ опубликованных фольклористических источников по русскому сибирскому фольклору позволяет говорить об особом лидерском статусе восточносибирской региональной фольклористики на протяжении XIX в. с центром в г. Иркутске; емкий научный и организационный потенциал иркутской школы русской фольклористики, несмотря на сложные социально-политические катаклизмы, продолжал раскрываться вплоть до конца 40-х гг. XX в.

IV. Наблюдается определенная закономерность чередования разновременных, но тяготеющих к подобию по протяженности больших циклов (периодов). Мы понимаем, что недопустим упрощенно-арифметический подход, однако определенные закономерности, которые проявляются как тенденции, все же считаем нужным отметить: во-первых, длительность больших периодов измеряется каждый раз отрезками разной протяженности, но дважды встречаются равные 40-летние периоды; во-вторых, каждый большой период распадается на два / три временных отрезка (*малых цикла*), начиная с 1919 г. малые циклы равны или кратны 8:

- 1826–1878 гг. – 53 года (25 + 28);
- 1879–1918 гг. – 40 лет (26 + 14);
- 1919–1950 гг. – 32 года (16 + 16);

- 1951–1990 гг. – 40 лет (16 + 16 + 8).

В дальнейшем необходимо изучить причины и условия возникновения выявленных закономерностей в различных аспектах существования сибирской фольклористической науки. Предполагаем, что деление больших периодов на пропорциональные временные отрезки может быть отражением цикличности «смены поколений» – периодов активной деятельности ученых / общественных деятелей / политиков и т. п., перемен в политическом строе, социально-общественном укладе, внутрирегиональных (локальных) особенностей развития сибирской фольклористики и т. п.

V. Внутри *малых исторических периодов*, построенных по волновому принципу с трехфазной структурой, можно выделить более мелкие структуры – *микроволны*, разной продолжительности – от 3 до 9 лет. В *микроволнах* обнаруживается, как правило, аналогичная трехфазовость внутреннего строения, свойственная волнам малых исторических периодов.

Например, в циклограмме за 1879–1918 г. (рис. 6) могут быть выделены 7 микроволн: 1879–1885 гг. (7 лет); 1885–1889 (5 лет); 1890–1894 (5 лет); 1894–1901 (8 лет); 1901–1904 (4 года); 1905–1911 (7 лет); 1911–1918 гг. (8 лет). Каждая микроволна при моделировании ее конфигурации приобретает форму острого угла, в которой присутствуют не менее трех точек / фаз – зарождения, подъема, кризиса (рис. 7).

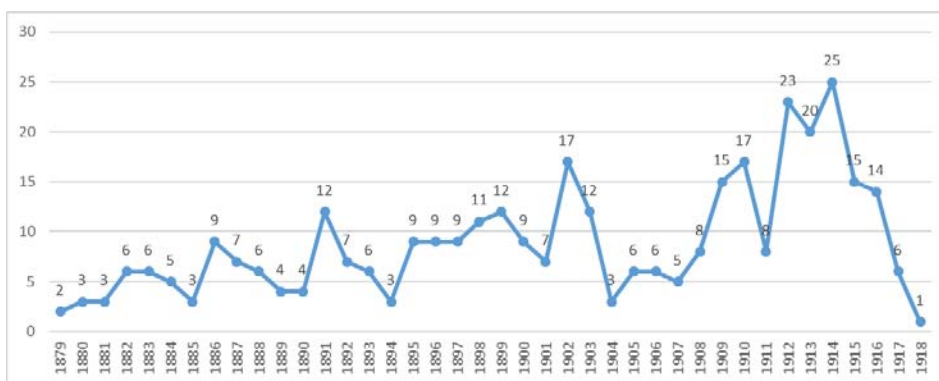

Рис. 6. Циклограмма публикационной активности за 1879–1918 гг.

Fig. 6. Sequence diagram of publication activity for 1879–1918

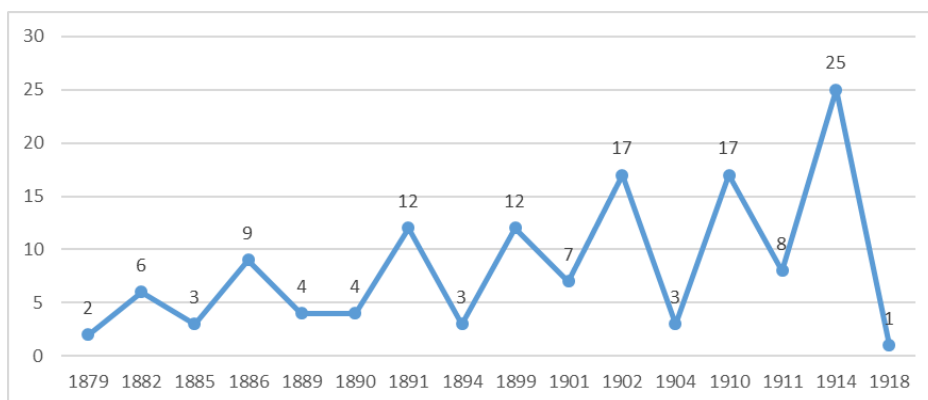

Рис. 7. Циклограмма-модель публикационной активности за 1879–1918 гг.

Fig. 7. Cyclogram – a model of publication activity for 1879–1918

Таким образом, библиометрический анализ позволяет уточнить периодизацию истории сибирской фольклористической науки, в которой выделяются 4 *больших периода*: два дореволюционных (1826–1878 гг. – 53 года и 1879–1918 гг. – 40 лет) и два советских (1919–1950 гг. – 32 года и 1951–1990 – 40 лет), подлежащих дальнейшему углубленному изучению, в том числе с применением циклично-волновой методологии. Разумеется, хронологические рамки рассматриваемых циклов в известной мере условны. Порогами периодизации послужили переломные моменты в развитии науки, которые выделены нами на основе изучения циклограмм публикационной активности.

В настоящее время значительный научный интерес представляет сравнительная интерпретация полученных нами данных на сибирском материале с периодизацией, например, изложенной Т. Г. Ивановой в монографии «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г.» [2009]. Несмотря на то что автор сосредоточил свое внимание исключительно на периодизации отечественной фольклористики XX в., сопоставить результаты разных классификационных подходов вполне уместно.

Изучая историю русской фольклористики XX в. (ее основных школ и направлений), Т. Г. Иванова выделяет хронологические границы периодов в тесной взаимосвязи с теми или иными событиями внутренней (и внешней) политики страны, а также с именами политических деятелей, стоявших во главе государства. Так, по мысли, Т. Г. Ивановой, можно говорить *о семи этапах* в истории русской фольклористики XX в.: первый период – 1900–1916 гг., второй – 1917–1928 гг., третий-пятый периоды – 1929–1957 гг., шестой период – 1958–1986 гг., седьмой – с 1987 г. по настоящее время [Там же, с. 5–11].

Понятно, что разные классификационные критерии, позволяют ученым подходить к проблеме членения истории фольклористики с разной степенью подробности: предложенный нами вариант классификации дает более обобщенную картину (три периода развития сибирской фольклористики XX в.), вариант классификации Т. Г. Ивановой представляет собой более дробное деление исторического процесса. Думается, что оба варианта классификации имеют право на существование, однако членение, основанное в большей своей части на закономерностях смены социально-политических событий (Т. Г. Иванова), не всегда правомерно и точно отражает собственно научные закономерности развития фольклористики. Так, например, А. Топорков в рецензии на книгу Т. Г. Ивановой предлагает собственную трактовку некоторых фактов истории русской фольклористики и высказывает отдельные критические замечания, в том числе касающиеся периодизации: «Первый период в истории русской фольклористики XX в., на наш взгляд, точнее было бы обозначить как 1900–1917 гг., а не 1900–1916 гг., как это делает исследовательница. У читателя может возникнуть ложное впечатление, что в 1917 г. начался какой-то новый период в развитии фольклористики. Между тем в 1917 г. еще выходили книги и периодические издания, подготовленные ранее, и было бы более правильно рассматривать их в рамках предыдущего периода» [Топорков, 2011].

Предложенная нами периодизация во многом подтверждает мысль А. Топоркова и уточняет ее: в Сибири послереволюционное снижение публикационной активности достигает «дна» лишь в 1918 г., в связи с чем нижняя граница следующего периода установлена начиная с 1919 г., а продолжение тенденции к снижению научной активности распространяется в Сибири вплоть до конца 1922 г.

Таким образом, создаваемая периодизация должна учитывать разные критерии и факторы, влияющие на качественное изменение развития науки, и допускать некоторую плюралистичность в постановке и решении исторических проблем периодизации. М. К. Азадовский справедливо заметил: «Каждый раз, когда уста-

навливается та или иная периодизация или намечаются какие-либо основные моменты, необходимо определить ту точку зрения, с которой это деление или установка производится» [Азадовский, 1926, с. 34].

Для того чтобы провести общую, осевую («красную») линию через все историческое время, в рамках которого развивалась русская фольклористика сибирского региона, следует определить не только особенное, специфическое, свойственное лишь тем или иным последовательно сменяющимся периодам, циклам или фазам, но и выделить то общее, что объединяет их в целостное образование. В этой связи необходимо продолжить работу по изучению публикационной активности сибирских ученых по конкретным параметрам (показателям), составляя, например, круговую или секторную диаграмму: по видам публикаций, издающим организациям, фольклорным жанрам, персоналиям, внутрирегиональным школам в Томске, Иркутске, Улан-Удэ, Новосибирске, Омске и др., формам организации фольклористической науки и т. п. с последующей интерпретацией полученных данных. Представляет интерес сравнительный анализ сибирских показателей публикационной активности с общероссийскими, что позволит в перспективе определить место сибирской науки в российском фольклористическом процессе, уточнить общие и специфические локальные черты развития русской сибирской фольклористики.

Список литературы

Азадовский М. К. Итоги совещания фольклористов Сибири // Новая Сибирь. 1943. Кн. 14. С. 69–76.

Азадовский М. К. Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 2 (6). С. 33–62.

Бернгардт Т. В. Библиографическая продукция научных и культурно-просветительских обществ западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) в системе научных коммуникаций // Тр. ГПНТБ СО РАН. 2014. № 7. С. 66–73.

Жирмунский В. М. М. К. Азадовский. Биографический очерк // Марк Азадовский: История русской фольклористики: В 2 т. 2-е изд. М.: Изд-во РГГУ, 2013. Т. 1. С. 27–47.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. 800 с.

Кокоулин Г. В. Высшее образование в Сибири (1920–1929 гг.) // Клио. 2013. № 9 (81). С. 93–100.

Копержинский К. А. Восточно-Сибирская фольклористика. Работа А. В. Гуревича // Сибирские огни. 1940. № 4–5. С. 172–181.

Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Сов. этнография. 1990. № 6. С. 79–91.

Ольденбург С. Ф. Рецензия на этнографический сборник «Сибирская живая старина» (Иркутск, 1923–1928 гг.) // Печать и революция. 1928. Кн. 8. С. 188–190.

Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М.: Логос, 1998. 278 с.

Топорков А. Фольклористы на пути от исторической поэтики к Большому терропу (Рец. на кн.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб, 2009) // НЛЮ. 2011. № 107. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/folkloristy-na-puti-ot-istoricheskoy-poetiki-k-bolshomu-terrogu.html> (дата обращения 04.12.2019).

Шиловский М. В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 32–42.

Список источников

- Российская книжная палата. Государственные библиографические указатели. URL: <http://www.bookchamber.ru/gbu.html> (дата обращения 02.03.2020).
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901–1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981. 477 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1917–1944 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966. 682 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1945–1959 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1961. 402 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1960–1965 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1967. 539 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1966–1975: В 2 ч. / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1984. Ч. 1. 420 с.; 1985. Ч. 2. 385 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1976–1980 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1987. 400 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1981–1985 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1993–2001. 543 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1991–1995 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. 642 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1800–1855 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 262 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1856–1880 / Сост. А. И. Васкул. СПб.: Нестор-История, 2017. 576 с.
- Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1881–1900 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1990. 502 с.

N. A. Ursegova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, roschina67@mail.ru*

On some regularities of Russian folklore science development in Siberia

The interpretation of statistical data of bibliometric analysis using the tools of the trans-disciplinary cyclic-wave methodology is applied to study the regional processes of Russian Siberian folklore studies development for creating new methodological approaches to the periodization of folklore study history. The proposed approach allows assessing the influence of socio-political events on the development of science in the region and identifying the immanent patterns of development of Siberian folklore studies by using mathematical and statistical methods of data analysis related to the bibliographic activity of Siberian scientists. Two thousand seventy-five bibliographic descriptions for a chronological period from 1800 to 1995 formed the analytical base of the study. All the sources were systematized chronologically according to the year of publication. Using mathematical and statistical methods allowed compiling a summary table showing the statistical data on the number of sources since 1826 when the first Siberian material was published. Graphs referred to as “cyclograms” have been constructed based on the statistical data obtained. The analysis of cyclograms made it possible to discover the regularities and logic of the development of science and to divide its history into periods, i.e., to accomplish its periodization. Four major periods have been identified: two pre-revolutionary (1826–1878 – 53 years and 1879–1918 – 40 years) and two Soviet ones (1919–1950 – 32 years and 1951–1990 – 40 years). The thresholds of periodization were chosen sharp, turning points in the development of science, determined by the author based on the study of publication activity cyclograms.

Keywords: history of folklore studies, Russian folklore, bibliometry, cyclogram, cyclic-wave methodology, periodization.

DOI 10.17223/18137083/71/1

References

- Azadovskiy M. K. Itogi soveshchaniya fol'kloristov Sibiri [Results of the meeting of folklorists of Siberia]. *Novaya Sibir'*. 1943, bk. 14, pp. 69–76.
- Azadovskiy M. K. Puti etnograficheskikh izucheniye Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Ways of ethnographic studies of the East Siberian Department of the Russian geographical society]. *Sibirskaya zhivaya starina*. Irkutsk, 1926, iss. 2 (6), pp. 33–62.
- Berngardt T. V. Bibliograficheskaya produktsiya nauchnykh i kul'turno-prosvetitel'skikh obshchestv zapadnoy Sibiri (konets 19 – nachalo 20 v.) v sisteme nauchnykh kommunikatsiy [Bibliographic production of scientific and cultural and educational societies of Western Siberia (late 19th – early 20th century) in the system of scientific communications]. *Proceedings of SPSTL SB RAS*. 2014, no. 7, pp. 66–73.
- Ivanova T. G. *Istoriya russkoy fol'kloristiki 20 veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g.* [History of Russian folklore of the 20th century: 1900 – the first half of 1941]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 2009, 800 p.
- Kokoulin G. V. Vysshee obrazovanie v Sibiri (1920–1929 gg.) [Higher education in Siberia (1920–1929)]. *Klio*. 2013, no. 9 (81), pp. 93–100.
- Koperzhinskiy K. A. Vostochno-Sibirskaya fol'kloristika. Rabota A. V. Gurevicha [East Siberian folkloristics. The work of A. V. Gurevich]. *Sibirskie ogni*. 1940, no. 4–5, pp. 172–181.
- Markov G. E., Solovey T. D. Etnograficheskoe obrazovanie v Moskovskom gosudarstvennom universitete (k 50-letiyu kafedry etnografii istoricheskogo fakul'teta MGU) [Ethnographic education at Moscow state University (to the 50th anniversary of the Department of Ethnography of the Historical Faculty of MSU)]. *Sov. etnografiya*. 1990, no. 6, pp. 79–91.
- Ol'denburg S. F. Retseziya na etnograficheskii sbornik "Sibirskaya zhivaya starina" (Irkutsk, 1923–1928 gg.) [Review of the ethnographic collection "Siberian living antiquity" (Irkutsk, 1923–1928)]. *Pechat' i revolyuciya*. 1928, bk. 8, pp. 188–190.
- Plotinskiy Yu. M. *Teoreticheskie i empiricheskie modeli sotsial'nykh protsessov* [Theoretical and empirical models of social processes]. Moscow, Logos, 1998, 278 p.
- Toporkov A. Fol'kloristy na puti ot istoricheskoy poetiki k Bol'shomu terroru (Ret. na kn.: Ivanova T. G. *Istoriya russkoy fol'kloristiki 20 veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g.* St. Petersburg, 2009) [Folklorists on the way from historical poetics to the Great terror (Book review: Ivanova T. G. *History of Russian folklore of the twentieth century: 1900 – the first half of 1941*). *New Literary Observer*. 2011, no. 107. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/folkloristy-na-puti-ot-istoricheskoy-poetiki-k-bolshomu-terroru.html> (accessed: 04.12.2019).
- Shilovskiy M. V. Aktual'nye voprosy istorii i sovremennoy praktiki istoricheskogo kraevedeniya v Sibiri [Current issues of history and modern practice of historical local lore in Siberia]. *Zemlya tyumenskaya*. 2004, iss. 17, pp. 32–42.
- Zhirumskiy V. M. M. K. Azadovskiy. Biograficheskii ocherk [M. K. Azadovsky. Biography essay]. In: *Mark Azadovskiy: Istoriya russkoy fol'kloristiki: V 2 t.* [Mark Azadovsky: History of Russian folklore: in 2 vols]. 2nd. ed. Moscow, RSUH, 2013, vol. 1, pp. 27–47.

List of sources

- Rossiyskaya knizhnaya palata. Gosudarstvennye bibliograficheskie ukazateli* [Russian book chamber. State bibliographic indexes]. URL: <http://www.bookchamber.ru/gbu.html> (accessed: 02.03.2020).
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1800–1855* [Russian folklore: Bibliographic index. 1800–1855]. T. G. Ivanova (Comp.). St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 1996, 262 p.
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1856–1880* [Russian folklore: Bibliographic index. 1856–1880]. A. I. Vaskul (Comp.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, 576 p.
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1881–1900* [Russian folklore: Bibliographic index. 1881–1900]. T. G. Ivanova (Comp.). Leningrad, 1990, 502 p.
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1901–1916* [Russian folklore: Bibliographic index. 1901–1916]. M. Ya. Mel'ts (Comp.). Leningrad, 1981, 477 p.
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1917–1944* [Russian folklore: Bibliographic index. 1917–1944]. M. Ya. Mel'ts (Comp.). Leningrad, 1966, 682 p.
- Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1945–1959* [Russian folklore: Bibliographic index. 1945–1959]. M. Ya. Mel'ts (Comp.). Leningrad, 1961, 402 p.

Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1960–1965 [Russian folklore: Bibliographic index. 1960–1965]. M. Ya. Mel'ts (Comp.). Leningrad, 1967, 539 p.

Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1966–1975: V 2 ch. [Russian folklore: Bibliographic index. 1966–1975: In 2 pts]. M. Ya. Mel'ts (Comp.). Leningrad, 1984, pt. 1. 420 s.; 1985, pt. 2, 385 p.

Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1976–1980 [Russian folklore: Bibliographic index. 1976–1980]. T. G. Ivanova (Comp.). Leningrad, 1987, 400 p.

Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1981–1985 [Russian folklore: Bibliographic index. 1981–1985]. T. G. Ivanova (Comp.). St. Petersburg, 1993–2001, 543 p.

Russkiy fol'klor: Bibliogr. ukazatel'. 1991–1995 [Russian folklore: Bibliographic index. 1991–1995]. T. G. Ivanova (Comp.). St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 2001, 642 p.